



**МОРСКОЙ
СПЕЦНАЗ**

СЕРГЕЙ ЗВЕРЁВ

**ПИРАТЫ
АКУЛЫ ВЫХОДЯТ НА БЕРЕГ**

Пираты

Сергей Зверев

Акулы выходят на берег

«Научная книга»

2010

Зверев С. И.

Акулы выходят на берег / С. И. Зверев — «Научная книга», 2010 — (Пираты)

Во время зачистки судна от террористов группа российского морского спецназа перестаралась и пустила корабль ко дну. Разгорелся международный скандал. Теперь командование временно держит бойцов в маленькой африканской стране – пока шум не утихнет. Неожиданно группа получает приказ: срочно найти сверхсекретный контейнер с сухогруза «Британик Оушн», принадлежащего российскому олигарху. Этот контейнер, по оперативным данным, был захвачен пиратами. Несложное задание для опытных бойцов. Но ситуация резко осложняется, когда командир спецназовцев по прозвищу Поручик узнает в главаре пиратов своего бывшего сослуживца – подводного спецназовца по кличке Глок...

© Зверев С. И., 2010

© Научная книга, 2010

Содержание

1	5
2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Сергей Зверев

Акулы выходят на берег

1

Дважды в год, в мае и октябре, над Аравийским морем меняется направление муссонных ветров и с ними приходят шторма. На траверзе Африканского Рога контейнеровозу «Британик Оушн» пришлось вступить в тяжелую борьбу со стихией.

Контейнеровоз принадлежал одной из крупнейших в мире компаний-перевозчиков «Шарк Лайн». Он не первый год бороздил океаны под либерийским флагом, но в такой шторм попадал нечасто. Ветер и дождь обрушились на судно с яростью бешеного зверя. Волны словно бы вознамерились не дать контейнеровозу выйти на простор Аравийского моря и пытались загнать его обратно – в Аденский залив и еще дальше, в Красное море, откуда он и пришел.

Капитан судна был человеком средних лет, с рыжей норвежской шкиперской бородой, без усов. Из угла его рта торчала прямая, выдавшая виды пенковая трубка. Он уже сдал вахту старшему помощнику, но все еще не уходил с мостика. Судя по внешности и манерам, капитан был настоящим морским волком.

– Ветер свежеет, кашалот мне в рот! Что там обещает прогноз? – рявкнул он.

– Шторм ослабевает, – отозвался старпом. – Но к западу от Сокотры нас может сильно потрепать.

– Зато пиратов можно не бояться, – возразил капитан.

И ошибся. Внезапно из-за пелены дождя выскочили три большие моторные лодки и рванули наперерез курсу контейнеровоза. Невзирая на волны, их экипажи явно собирались идти на abordаж. И в самом деле, спустя минуту-другую в фальшборт контейнеровоза впились трехлапые abordажные кошки. Черные курчавые парни с автоматами за спиной принялись проворно карабкаться по канатам на палубу судна.

– Разрешите дать оповещение о нападении и позвать на помощь? – обратился старпом к капитану.

– Уже не надо, медуза тебе в глотку, – капитан вынул трубку изо рта и ткнул мундштуком в морскую даль. – Разверни свои иллюминаторы на зюйд-ост! Помощь уже пришла!

Помощник перевел взгляд в указанном направлении. Там за стеной дождевых струй ясно обозначился силуэт военного корабля. Корабль был небольшой, типа ракетного катера, но в борьбе с пиратами куда более эффективный, чем эсминец или ракетный крейсер.

Пираты, которые уже почти взобрались на борт контейнеровоза, тоже увидели опасность и замешкались. Вернуться в свои пляшущие на волнах лодки они не могли – чтобы не быть разбитыми о борт судна, те тут же отвалили на безопасное расстояние. Поэтому разбойникам пришлось поневоле продолжить свой путь наверх, к славе и добыче.

Но тут палуба ракетного катера осветилась яркими вспышками. По борту контейнеровоза, а точнее, по свисавшим с него гроздьями пиратам ударил крупнокалиберный пулемет. Двое рухнули в воду, прошитые очередями, один просто упал с перепугу. Остальные же, кого пули не заделали, окончательно растерялись. Так решительно и не по-детски круто с ними еще никто никогда не обращался.

Тем временем на ракетном катере к пулеметчику присоединились несколько стрелков с автоматами. Похоже, они хорошо знали свое дело. Не прошло и минуты, как последний пират рухнул в море с простреленной головой. Пулеметчик же искрошил в щепки две пиратские лодки. Третья успела скрыться за дождевой завесой.

С ракетного катера фонарем просемафорили на контейнеровоз серию сигналов.

– Чего они хотят, акула мне в корму? – не разобрал капитан.
– Спрашивают, не требуется ли нам помощь, и просят разрешения подняться на борт, – объяснил старпом.

– При такой волне? Зачем, будь я четырежды проклят? – нахмурился капитан и прикусил мундштук трубки.

Помощник пожал плечами:

– Понятия не имею. Может быть, они боятся, что кому-нибудь из пиратов удалось забраться на борт?

Капитан озадаченно потер рыжую шевелюру в области затылка.

– Чтоб мне подавиться! Я даже не вижу ни их флага, ни названия. Какой-то корабль-призрак, «Летучий голландец»!

Помощник криво усмехнулся:

– Если помните, «Летучим голландцем» некоторые называют наш «Британик»...

– Не скаль зубы, бушприт тебе в печень! – грубо оборвал собеседника капитан. – Передай на ракетный катер – разрешаю подняться на борт. Нам бояться нечего, судовые документы в полном порядке. Только разбираться с ними будешь сам, мне пора отдохнуть, разрази меня кризис!

С этими словами рыжебородый капитан выпустил из трубки клуб вонючего дыма и покинул мостик. Когда он вышел, помощник пробормотал сквозь зубы:

– Ну вот, наверняка пошел своей Марине названивать. Вот что случается, когда в море выходит изнывающий от любви идиот! Хорошо ему говорить – разбирайся! А если они найдут?

Тут он прикусил язык и тихо выругался.

* * *

В западной части Аравийского моря, к северу от Сейшел, затерялся небольшой остров. На картах он значился как Да Гама. Город Сан-Габриель – столица острова – обладал едва ли не самой удобной гаванью в регионе. Над городом, на высокой скале, виднелись руины разрушенного старинного дворца. По слухам, его заложил сам великий первооткрыватель Индии Васко да Гама, именем которого и был назван остров.

По тем же непроверенным слухам, в главном зале этого разрушенного дворца, тогда еще недостроенного, Васко да Гама принимал посланников каликутского владыки-заморина. Вообще-то послы ехали не к нему, а в противоположный лагерь. Правитель Каликута собирал для войны с португальцами союзников, к которым и отправил своих посланцев. А посланцы, видно, немного ошиблись и заехали не туда. Тем не менее, великий путешественник и первооткрыватель принял их по высшему разряду и оказал высокую честь. Обладая недюжинным чувством юмора, он велел отрезать посланцам носы и уши, а вместо них пришить собачьи. В таком виде он и отправил послов обратно к их заморину.

Сейчас на Да Гаме располагался курорт для особо важных и богатых персон. Пассажирские линии обходили остров стороной. Курортники прибывали сюда на личных самолетах, вертолетах и яхтах. Яхты, самые разные, заполняли обширную гавань Сан-Габриеля.

Подлинным украшением гавани служила яхта великого русского олигарха Ивана Рабиновича «Экстази». Это была первая серьезная покупка и первая любовь олигарха. Только не воображайте себе изящной шхуны со стройными мачтами и белыми парусами: яхта имела вид большого комфортабельного теплохода. Помимо всевозможных наворотов в ее днище был встроены бокс типа небольшого сухого дока с прогулочно-экскурсионной мини-субмариной. Маленькая подводная лодочка была рассчитана на четверых пассажиров и могла погружаться на приличную глубину – до сотни метров.

Олигарх любил эту яхту, но практически ею не пользовался. Маловата, в длину меньше ста метров. Несolidно как-то, да и вертолетная площадка слишком тесная. Но чтобы судно не ржавело на якорной стоянке, владелец сдавал его в аренду. В конце концов, лишние деньги даже олигархам не мешают.

Сейчас яхту «Экстази» арендовало Министерство внешних сношений Российской Федерации, точнее – его главное управление по экономической помощи развивающимся странам. Начальник главка Аполлон Хрякин отправился на яхте в полное опасностей и приключений плавание, чтобы совершить важное открытие. Он вознамерился бесстрашно достичь берегов Африки и отыскать там президента Республики Лугамбия, господина Якубу Азикове. Господин Хрякин планировал нанести господину Азикове официальный визит и в ходе его основательно взбить президенту холку, хорошенько встряхнуть за шкуру и поинтересоваться у этого обнаглевшего черножопого царька: где откат за последний транш экономической помощи, отправленной из Москвы в Лугамбию? Откат составлял скромные пятьдесят процентов от общего размера помощи, из которых десять процентов полагались лично Хрякину.

Вот и пустился он в далекий путь, чтобы открыть тайну пропавших сокровищ. Господина Азикове Хрякин дома не застал: тот, как водится у неисправных фуфлыжников, отсиживался где-то по соседству – то ли в Уганде, то ли в Танзании. Хрякин пообщался с премьер-министром Лугамбии господином Джоном Омотосо и предупредил, что просто так не отстанет и будет ждать президента хоть до скончания века. С тем и отбыл. Обосновался российский чиновник со своей свитой неподалеку, на Да Гаме. Островок ему понравился – тихий, чистенький. И, чтобы ожидание не было изнурительным, совместил его с долгим и продолжительным отдыхом. Так и оказалась яхта «Экстази» в гавани Сан-Габриеля.

В жаркий солнечный день на краю окаймлявшей гавань площади, в тени под раскидистым драконовым деревом, сидели двое мужчин и издали любовались красивым судном олигарха. Сравнительно молодые, крепкие, загорелые, оба были одеты в выцветшие шорты до колен и еще более выцветшие мешковатые майки. Такие тут носят как местные рыбаки, так и продвинутые миллиардеры. Но молодые люди не были ни рыбаками, ни миллиардерами. Оба служили в отряде глубоководных пловцов-диверсантов специального назначения «Кракен» Военно-морского флота РФ.

Один из них, в кедах без шнурков и на босу ногу, с внешностью промотавшегося интеллигента, был старшим лейтенантом Голицыным, по прозвищу Поручик. Служил он боевым пловцом. Другой, в веселенькой кепке-панамке на голове, обутый в резиновые шлепанцы-вьетнамки, на вид – типичный ловелас, которому снова не повезло в картах, носил звание капитан-лейтенанта и отзывался на прозвище Марконя. В жизни и в работе главной его задачей являлось обеспечение связи без брака. Сейчас он был очень мрачен.

– Хреновые дела, Поручик, – сказал он. – Нашу группу расформируют. Потому вице-адмирал Старостин нас здесь и маринует, подальше от дома.

Голицын тоже приуныл.

– А я-то, наивный, решил, что мы тут торчим, потому что крайне эффективно справляемся с проблемой пиратства.

Марконя покачал головой:

– Если бы! Я час назад связывался с вице-адмиралом. Старостин ничем помочь не сможет. Как только мы вернемся домой, тут нас сразу и разгонят. Уже приказ командующим адмиралом Фалалеевым подписан. Прямо не знаю, как ребятам сказать. Я даже Кэпу пока ничего не сообщил. Язык не поворачивается.

Сравнительно недавно – полгода не прошло – группа спецназовцев уничтожила банду террористов, захвативших сухогруз «Дайана», под завязку набитый оружием. Заодно был уничтожен и сам сухогруз, так как на его борту, кроме различного легкого и тяжелого вооружения, находилось компактное ядерное взрывное устройство. Хозяева груза и причастные к делу

высокопоставленные чиновники в растерянности думали, что теперь делать с героями-спецназовцами – награждать или наказывать. В результате было принято соломоново решение. Вся группа была награждена, а виновный во взрыве судна старший лейтенант Голицын в наказание не получил очередного звания капитан-лейтенанта. Так и остался старлеем.

Уже несколько месяцев группа болталась без дела в южных морях. Командование как бы сдало спецназовцев в аренду местным дружественным режимам, и бойцы выполняли всякие мелкие поручения – то кабель на глубине проверить, то старые мины на фарватере поискать. Ждали приказа о возвращении домой или передислокации, но его не поступало. И вот на тебе, дождались!

Мимо них, втыкая шпильки в размякший асфальт, продефилировали две красотки – брюнетка и блондинка. Обе определенно направлялись в сторону яхты олигарха. Капитан-лейтенант Марконя с тоской посмотрел им вслед. Ему вдруг очень сильно захотелось бросить все на хрен и выйти в отставку. Вот только на что жить?

– Была бы у меня такая задница, я бы вообще не работал, – со вздохом признался он.

Брюнетка не просто услышала. Она поняла. Оглянулась в сторону сидевших на травке босяков и с возмущением обратилась к подруге. По-русски, разумеется.

– Нет, Марин, ты представляешь? От нашего хамья нигде прохода нет! Всякая шушера из Череповца до заграницы дорвалась.

– Из Череповца, – поправила ее блондинка.

«Блондинка, а географию знает», – подумали спецназовцы.

– А какая разница? – удивилась брюнетка. – Череповецк, Елецк, Павелецк! Быдло, оно и в Африке быдло. Культуры ну ни хера нет!

И победно глянула на сидевших под деревом друзей.

– Мадемуазель, вы изысканны, как мадригал, – Марконя махнул дамам своей кепочкой.

– Да пошли вы, козлы! – брюнетка не поняла, кто такой мадригал, но на всякий случай обиделась.

Нет, при всей своей эффектности Голицыну она не понравилась. Не его тип. И не потому, что брюнетка, а потому что дура. Вот другая – блондинка Марина – могла бы ему понравиться. Минимум косметики, фигура, глаза и вообще... Если бы Поручик был помоложе и понаивнее, он бы, пожалуй, мог в такую влюбиться. Он усмехнулся про себя.

– Нет, я не согласен! Где мы – и где Африка? И почему сразу «козлы»? – возмутился Марконя и помахал соотечественницам. – Давайте лучше знакомиться. Вы, девчонки, откуда будете?

Брюнетка прямо-таки испепелила его презрительным взглядом и с вызовом заявила:

– Может, мы и будем, но только не с вами. Тоже мне, закудахтал – куда-откуда! Мы-то из Москвы.

– Правда? А мне показалось, что вы сюда явились прямо с конкурса «Мисс Кривой Рог», – ехидно усмехнулся Марконя.

Брюнетка восприняла его усмешку как оскорбление. Она посмотрела назад и призывно помахала кому-то рукой. Спецназовцы с любопытством посмотрели в ту же сторону и заметили пару двухметровых крепышей с бычьими загривками. Крепыши приближались быстрым шагом и вскоре поравнялись с барышнями.

– Что за дела, Карина? – поинтересовался у брюнетки один из них.

– Мальчики, – обратилась к крепышам брюнетка, – эти лохи к нам клеятся с особым цинизмом. Поговорите с ними.

И, подхватив искушенную в географии блондинку под руку, она направилась с ней к роскошному белоснежному судну олигарха. Крепыши остановились и внимательно оглядели сидевших под деревом спецназовцев. Потом посмотрели друг на друга.

– А как с ними говорить-то? На каком языке? – озадаченно спросил, наконец, своего товарища тот, что был покрупнее.

Потом подумал и сам догадался:

– Пацаны, а вы чо, русские?

– Нет, блин, евреи, – отбрил его Марконя. – У тебя все или еще вопросы будут?

Крепышу его тон определенно не понравился.

– Ты на кого батон крошишь, тля садовая? – угрожающе навис он над капитан-лейтенантом.

Поручик, который до сих пор молчал, посмотрел на крепыша спокойно и даже сочувственно.

– Мы тебя чем-то огорчили? – спросил он.

Общаясь с подобными интеллектуалами, Голицын старался не употреблять без особой необходимости слово «обидели». Чтобы не обидеть.

Но у крепыша и такой безобидный вопрос вызвал прилив бурной ярости.

– Да если бы вы меня огорчили, вас бы сейчас с этого банана скребком счищали, – ткнул он пальцем в роскошную крону драконова дерева.

– Ну, а раз не огорчали, то, значит, инцидент исчерпан? – постарался уточнить Поручик.

– Чо?! Ис... чер... пер... Я кого-то сейчас так испорчу, что собственная собака без микроскопа не узнает! Саранча бурая! Колян, мочим козлов слегонца, до состояния менее тяжелых телесных повреждений. Погнали!

Крепыш помельче вдруг весь вздулся буграми мышц – так у кошки перед дракой шерсть встает дыбом, – пошел в атаку.

– Долби их, Толян! – поддержал он товарища и, поскольку его старшой дискутировал с Поручиком, сам он обрушился на Марконю.

Точнее, на то место, где капитан-лейтенант только что отдыхал.

Вообще-то Марконя считался в группе «белым воротничком». Он уважал электронику, кибернетику и интеллект, а кулачную потеху считал уделом людей с неразвитым головным мозгом. По части рукопашного боя в группе спецназа капитана второго ранга Татарина связист Марконя был, пожалуй, наиболее слабым звеном. Но это была лучшая группа спецназа на всем свете. И худший среди них стоил иных лучших бойцов. Поэтому Марконя легко уклонился от атаки и позволил крепышу Коляну безнаказанно обрушиться на ствол древнего драконова дерева.

Дерево это, похожее на гигантский веник, ближайший родственник привычной домашней драцены, по легенде появилось на свет в результате несчастного случая. Типа «большого взрыва». Говорят, что однажды где-то здесь какой-то старый слон неловко придавил голодную драконицу. Мотивы катаклизма остались невыясненными. Одни утверждают, что она его хотела съесть, другие считают, что слон хотел ее вульгарно изнасиловать. В результате столкновения от обоих осталось только мокрое место. В смысле – лужа крови. Из нее и выросло первое драконово дерево.

А сейчас под кроной древнего растения готова была пролиться не лужа, а целое море крови. По крайней мере, крепыши набросились на спецназовцев со всей серьезностью. Попались им противники не столь опытные, вся лужайка уже была бы засеяна выбитыми зубами и обильно орошена кровавыми соплями. Но не в этом случае.

Поручик и Марконя оказались крепкими орешками. Собственно, любой из них мог бы при необходимости справиться с обоими крепышами. Но спецназовцы пожалели незадачливых земляков и, чтобы не покалечить пацанов, предпочли избрать пассивную оборонительную тактику. Уклоны, нырки, уходы, изредка – блоки.

Старший из крепышей – Толян – атаковал Поручика с дальней дистанции ударами ног в голову. Красиво, хотя и бесполезно. На дворового хулигана или уголовника он был непо-

хож. Краем глаза Поручик заметил, что и Колян демонстрирует попури из восточных боевых искусств. Спортсмены, значит. Бывшие, ясное дело. Из недостреленной братвы. Еще Голицын заметил, что Марконя успешно справляется с безобидными выходками противника и в помощи не нуждается. Даже кепочка с головы не слетела.

Внезапно могучий Толян повел себя крайне агрессивно. От планомерной атаки он перешел к бешеному натиску. Руки и ноги крепыша заработали как ветряная мельница, и он рванул вперед напролом. Поручик вынужден был сначала отступить, а потом и отскочить назад, чтобы не попасть под эту помесь разъяренного асфальтового катка с вентилятором.

Так же неожиданно тяжеловесный крепыш прервал атаку, затем с легкостью балетного танцора развернулся и метнулся к Марконе. Он рассчитывал, что, пока Поручик будет приходить в себя, они с Коляном успеют вырубить Марконю, а после этого вдвоем насыдут на оставшегося противника. Это элементарная тактика схватки «двое на двое», она изучается и широко применяется в спецподразделениях армии.

Поручик владел этой тактикой не хуже Толяна, даже лучше. Раз в одиннадцать. И когда Толян развернулся в полной уверенности, что растерянный противник, приходя в себя, будет терять драгоценные секунды, Голицын догнал крепыша одним прыжком и сбил с ног детской подножкой.

Толян пролетел по инерции пару метров, но не грохнулся мордой в асфальт, как это можно было ожидать, а перекувырнулся через голову и оказался на ногах. Тут его снова настиг противник. Толяну явно не хватало скорости. Совсем чуть-чуть, но в реальном бою Поручик уже успел бы убить его раза четыре.

Тем временем Марконя в паре с Коляном демонстрировали поединок по образу и подобию старых гонконгских боевиков – это когда шуму много, а толку мало, и враги дерутся долго и красиво, но без видимого результата. Колян вновь и вновь пытался хоть раз ударить своего увертливого противника, но у него все никак не получалось.

Вокруг понемногу начали собираться зеваки. Даром что почти все были миллионерами, они забыли куда шли и, разинув рты, застыли в отдалении. Ведь не каждый день выдается случай посмотреть хорошую драку. Вот они и пялились на дармовое зрелище, ибо халяву и миллионеры уважают. Самые сообразительные стали принимать на бойцов ставки. Фаворитом у знатоков считался Поручик. Его уже начали подбадривать криками и аплодисментами, не понимая, зачем он тянет и почему не торопится уложить своего противника.

Неизвестно, сколько бы продолжалась эта «борьба нанайских мальчиков», если бы к месту вялой битвы не прибыла полиция. Стражи порядка получили сигнал, что на набережной хулиганят пьяные русские, и отнеслись к ситуации с максимальной серьезностью – экипировались по полной программе. Из автобуса высыпало человек пятнадцать, в черных комбинезонах, шлемах, бронежилетах, со щитами и мощными армированными дубинками.

Полицейские выстроились в шеренгу, и их начальник прокричал что-то невнятное. Шеренга двинулась и стала медленно приближаться к дерущимся. Те прекратили свое увлекательное занятие и обернулись к новому врагу.

Тут все полицейские почему-то уставились на Марконю. Некоторое время они громко обсуждали какие-то детали его внешности, а потом вдруг стремительно бросились в атаку на связиста. Стоявший рядом с Марконей Колян, не мешкая, принял бой плечом к плечу с недавним противником. А секунду спустя в строй полицейских врубилась и Поручик с Толяном.

Столпившиеся в стороне миллионеры поняли, что не напрасно забросили свои дела и так долго теряли тут время. То, что они видели до этого, было только легкой разминкой. Настоящая драка начиналась только сейчас.

Наконец-то Толян нашел достойное приложение своим силам. От его могучих ударов черные фигурки валялись с ног, как кегли. Поручик поначалу и тут не проявлял энтузиазма,

как вдруг увидел, что четверо полицейских взяли Марконю в кольцо и принялись обрабатывать дубинками с особым и непонятым рвением.

Голицын с детства знал закон драки: первым делом вырубай вражеского предводителя. Поручик легко вычислил его и ледоколом устремился навстречу. Он раскидал противников, окружавших Марконю, затем пробился к командиру полицейских и отвесил ему такой прямой правой, что у того треснуло прозрачное защитное забрало шлема. Поверженный командир рухнул на руки подчиненных. Ряды тех расстроились и начали отступать. Казалось – еще секунда, и отступление превратится в повальное паническое бегство.

Но тут под звуки сирены к полицейским подоспело подкрепление. Сразу в двух автобусах распахнулись двери, и оттуда горохом посыпали черные солдатики в полицейской форме. наших героев окружили, задавили массой и все-таки скрутили. Вообще-то русские в плен не сдаются, но тут им даже застрелиться было не из чего. С веселой песней про гордый красавец «Варяг» они гордо отправились в местную кутузку.

Толпа зрителей-миллионеров проводила их громом аплодисментов и восторженными криками.

* * *

В это время блондинка Марина и брюнетка Карина уже поднялись на борт яхты «Экстази» и даже думать забыли о встрече с нахалами. Они разошлись по каютам, чтобы принять душ и переодеться к вечернему выходу.

Под душем блондинка Марина расслабилась. Не то чтобы она до этого сильно напрягалась, просто время от времени ей требовалось отрешиться от суеты и подбить итоги. Ничего радостного в них не было. Марина попыталась вспомнить – с чего же все это началось.

А началось это с конкурса красоты, на котором Марина заняла первое место. Сам конкурс оставил у нее неприятные воспоминания. Участниц выстраивали, гоняли как скотину, то в купальниках, то в уродских вечерних платьях, на них постоянно орали, только что не били. В общем, выглядело это крайне унижительно.

Марина, как победительница конкурса, получила на голову белый металлический ободок, украшенный завитушками и россыпью стекляшек. Он напоминал мельхиоровый подстаканник и имитировал бриллиантовую корону. В довесок к награде она получила контракт с модельным агентством «Глориана». Второе место в конкурсе заняла брюнетка Карина. Короны она не получила, но место в «Глориане» нашлось и для нее.

Марина приняла участие в конкурсе, чтобы забыться. Человек, которого она любила, Павел, студент Строгановки и многообещающий художник, неожиданно загремел в армию и вскоре очутился на Кавказе. Правда, в первом же письме он сообщил Марине, что устроился при штабе, рисует плакаты и прочую наглядную агитацию. В рейды не ходит, живет не в казарме, а в мастерской. В общем, не жизнь, а малина. Но однажды во двор штаба, выбив ворота, въехал «КамАЗ», груженный взрывчаткой. За рулем его сидел террорист-смертник. При взрыве погибли сто сорок шесть человек. Среди них был и Павел.

Марина долго не находила себе места, сидела дома и все чаще начала прикладываться к рюмке. Наконец кто-то из знакомых буквально вытащил ее на люди, отвел на очередной конкурс красоты и записал в состав участниц. Кажется, конкурс был организован фирмой по производству джутовой тары и назывался «Мисс Упаковка». Неожиданно для себя Марина победила. И получила в агентстве «Глориана» работу, о которой каждая нормальная девушка могла только мечтать.

В «Глориане» Марину встретили приветливо. Хозяйка агентства, мадам Глория, или, как ее называли свои, мама Гала, пообещала ей золотые горы и контракт с крупнейшими мировыми модельными фирмами. Но для начала Марину ждал неприятный сюрприз.

Оказалось, что «Глориана» занималась не столько модельными услугами, сколько эскортом. Агентство обслуживало ВИП-клиентов, предоставляя им спутниц для публичных выездов и выходов. Впрочем, всякие намеки на интим были исключены, это было прописано в договоре отдельной главой.

Поначалу Марина побаивалась и новой работы, и клиентов. Но оказалось, что ничего страшного тут нет. Ни саун, ни борделей – все очень цивилизованно. Нужно было просто посидеть несколько часов в ресторане или потолкаться на презентации. Но однажды после делового ужина в ресторане клиент попросил о небольшом одолжении.

Переговоры прошли сложно, закончились неопределенно. И перед тем как отправить Марину домой, клиент обратился к ней с просьбой:

– Извините, вы не прогуляйтесь со мной немного? А то неудобно одному болтаться по улицам.

Вечер был теплым, клиент чем-то напоминал Павла. И звали его так же – Павлом. Прогулка закончилась на Остоженке, возле нового элитного дома.

– Может быть, поднимемся ко мне, выпьем кофе? – предложил Павел.

И Марина согласилась. А когда они лежали в постели, дверь спальни открылась и вошла мама Гала в сопровождении охранника из агентства и своей заместительницы, которую сотрудницы между собой прозвали Эльзой Кох.

Без долгих разговоров мама Гала выложила перед Мариной ее договор с агентством, где в разделе о недопустимости интимных отношений с клиентами мелкими буквами прописывалась сумма штрафа. Подписывая договор, Марина эти мелкие буковки, разумеется, пропустила. Теперь же, прочитав сумму штрафа, она поняла, что попала. И очень крупно.

Павел исчез. Вероятно, он был подставной фигурой. Только теперь Марина догадалась, что ее элементарно «развели на бабки». Таких денег у нее не было. Мама Гала не стала крутить и предложила ей подписать новый контракт. По нему Марина переходила в собственность к новому хозяину. Так она и оказалась на борту яхты «Экстази» в компании господина Хрякина и его обслуги. В качестве кого? Этого она пока и сама не понимала. К сексу с Хрякиным или с кем-либо из его окружения ее не принуждали. Словно готовили в качестве праздничного блюда для кого-то. Знать бы, для кого...

Карина не оставила подругу и последовала за ней. Марине она призналась, что всю жизнь мечтала пристроиться в содержанки к чиновнику высшего уровня. И мама Гала вроде бы пошла ей навстречу. Но иногда Марине начинало казаться, что Карина знает больше, чем говорит. И тогда ей становилось страшно.

* * *

Когда Марина, приняв душ и переодевшись, вышла на верхнюю открытую палубу, там околачивался один-единственный человек – секретарь Хрякина Спирия. Вопреки ожиданиям, он не носил ни имени Спиридон, ни фамилии Спиридонов. Кличку свою Спирия получил по причине крайней бледности. В смысле – был как бледная спирохета. Так Хрякин и звал поначалу своего секретаря – Спирохетом, потом сократил до Спири. Кличка прижилась, со временем Спирия к ней привык и перестал обижаться. Во всяком случае, так казалось окружающим.

Почти следом за Мариной на палубе появился Хрякин в сопровождении Карины. Он потягивал виски из толстеного квадратного стакана, она сосала через трубочку какой-то коктейль. Марина кивнула хозяину:

– Привет, Аполло!

В быту Хрякин был большим демократом и отличался простотой, но не терпел своего имени Аполлон. Он предпочитал англизированный вариант – Аполло.

Кивнув в ответ Марине, он как бы между прочим поинтересовался:

– А где мои чудо-богатыри, Толян и Колян? Они вроде с вами в город ходили.

Карина оторвалась от трубочки и махнула рукой:

– А, они там. Остались на берегу каких-то местных бомжей уму-разуму поучить.

Хрякин нахмурился:

– Что за бомжи?

Карина пожала роскошными плечами:

– Откуда я знаю? Русские какие-то. К нам с Маринкой пристали. Ну я и попросила наших пацанов немножко их проучить.

Хрякин не то чтобы встревожился, но немного напрягся.

– Эти пацаны, между прочим, в прошлом боевые офицеры. Не тебе чета, блоха гламурная. Но я все-таки не понял, кого они должны проучить – местных или русских? И откуда здесь бомжи?

Щелчком пальцев Хрякин подозвал Спирию.

– Быстро наведи справки и разберись, где наши гориллы. Чтобы через пять минут оба были здесь!

Но «через пять минут» не получилось. Так же как и через десять, и через двадцать. Только по прошествии получаса Спирия, наконец, снова показался на верхней палубе и шепотом сообщил боссу интересующие его сведения.

Хрякин со злостью запустил недопитым стаканом в море. Потом обернулся к барышням:

– Так, эти придурки угодили в полицию. Причем за драку с этой самой полицией! Только этого не хватало. – Он сурово уставился на Карину. – А ну, колись, мочалка, это ведь ты их в драку втравила! Я твою подлую натуру знаю!

Карина в растерянности отставила бокал.

– Ну, я не знаю... Мы, типа, шли, а они, в натуре...

Лицо Хрякина исказила страдальческая гримаса.

– Сколько раз тебе долбить, кошелка базарная, что приличные люди так не говорят! Вместо «типа» надо говорить «как бы». И не «в натуре», а «на самом деле». Ты хоть иногда слушай, как артисты и режиссеры всякие говорят. Учись, дура, глядишь, за умную сойдешь. А то как рот раскроешь, так из тебя одесским Привозом за версту прет. И начни, наконец, твердо выговаривать букву «Г». Ты же не Брежнев и не Подгорный. Я же вот выучился. Вопросы есть?

Карина надулась.

– Есть. Кто такой Подгорный? Ты меня под него еще не подкладывал.

Хрякин от огорчения только грязно выругался:

– Тьфу! Иди в задницу!

Но вопреки предложению развернулся и ушел сам.

* * *

В темной и сырой камере было хорошо – прохладно. А в здешнем климате это уже немало. Заключенных было пятеро. В углу беспробудно спал какой-то знойный мачо, четверо других – двое спецназовцев и крепыши Колян с Толяном – сидели в противоположном углу, почесывали места ушибов и неторопливо трепались.

– А ты, похоже, когда-то погоны носил, – обратился Поручик к старшему из крепышей, Толяну.

Тот потянулся так, что хрустнули суставы, и признался.

– Было дело, мы с Коляном вместе службу тащили.

– Десантура? – предположил Марконя.

– Не, разведбат морской пехоты, – лениво протянул Толян. – Я ротным был, Колян – взводным. А ты где так махаться научился? Мы с Коляном вроде не сопливые пацаны, бывало, вдвоем десятерых гоняли. А тут нарвались.

Поручик переглянулся с Марконей. Тот молча кивнул – ладно, мол, колись.

– Банно-прачечный спецназ, – пошутил Поручик.

– Почему банно-прачечный? – удивились крепыши.

– Потому что «БП». Вообще-то мы боевые пловцы специального назначения.

Толян и Колян с пониманием покачали головами. Марконя продолжал пребывать в некотором недоумении.

– Я только не понял, с чего это все полицейские на меня, как собаки злые, накинулись?

Толян усмехнулся:

– А ты бы что хотел? В таком кепарике разгуливать – не каждому ума хватит.

– Опять не понял, – Марконя принялся изучать рисунок и надпись на своем легком картузе.

Рисунок был простеньким – черный профиль в фуражке, перечеркнутый красной линией, и четыре буквы. Если читать по-русски, то получалось «АСАВ», а по английски – «АКАБ».

– Ну и что? – не унимался капитан-лейтенант.

– Так это же как у нас, к примеру, «СЛОН» – Смерть Легавым От Ножа, или «ЗЛО» – За все Легавым Отомщу, – пояснил Толян. – Движение это такое, международное, против полиции. Читается как «Олл Копс Ар Бастардс». То есть: «Все полицейские – ублюдки». Ты не знал, что ли?

– Откуда? – в отчаянии воскликнул Марконя. – Мы полгода из-под воды не вылезаем. Вчера вот только на сушу выбрались, оторвались маленько. И на тебе!

– А откуда у тебя эта тубетейка? – в свою очередь поинтересовался Колян. – Они вроде в магазинах не продаются.

Марконя махнул рукой от досады.

– Да мы с Поручиком утром пару знойных мулаток подцепили. Выпили-посидели. Потом то да се. Ну, моя на прощание мне и презентовала. На память. Пусть не сомневается, я ей, стерве, в жизни это не забуду! А если поймаю...

Он не успел сообщить, что бы он сделал с коварной мулаткой. Дверь в камеру открылась, и вошел офицер полиции. Выглядел он грозно. Выражение суровости на его лице подчеркивал приличных размеров лиловый синяк под левым глазом. В авторстве этого украшения отчетливо просматривался кулак Поручика.

Офицер громко назвал фамилии Толяна и Коляна. Фамилии он, конечно, переврал, но те поняли, поднялись, попрощались с сокамерниками и направились на выход.

– Ну вот, хозяин о нас вспомнил. Может, передать что на волю? – спросил на прощание Толян.

– Не нужно. Тот, кому надо, нас и под землей разыщет, – вздохнул Марконя.

На том и расстались.

* * *

А еще через час пришли и за спецназовцами. Все тот же офицер с фонарем под глазом снова распахнул дверь камеры.

– Обед! – угрожающе прорычал он. – Выходите!

– Ну вот, и до нас добрались.

Поручик, а за ним и Марконя встали и не спеша, разминая ноги, пошли на обед. Мачо в углу тоже проснулся и нетвердым шагом двинулся следом, но дверь камеры захлопнулась перед

его носом. Видимо, его к столу не приглашали. Или, что скорее, спецназовцев приглашали не к столу.

– Как думаешь, чем нас будут угощать? – задал риторический вопрос Голицын.

– Скорее всего, дубиной, – предположил Марконя. – Возможно, на горячее будут отбивные в дверях.

Их провели в комнату в конце коридора. На застенок для пыток и казней помещение несколько не походило. Скорее, это был кабинет начальника. Больше всего удивил накрытый стол в центре комнаты. Неужели и правда привели в столовку? Вот только ни в одной столовке так не угощают. Разве что в ресторане, и тоже не в каждом.

Марконя не смог скрыть изумления.

– Скажите, у вас в тюрьме всегда так хорошо кормят или у вас сегодня национальный праздник?

Офицер с синяком под глазом сделал широкий гостеприимный жест.

– Это бонус от мистера Хрякин, – сообщил он. – Прошу к столу.

При этом он расплылся в широчайшей, зубов на пятьдесят, улыбке. Видимо, бонус от господина Хрякина не ограничился обедом для заключенных. Да и компенсация за подбитый глаз, вероятно, была достаточно весомой.

– Садитесь, – пригласил офицер. – Выьем за дружбу.

– Я, конечно, не возражаю, – неуверенно протянул Поручик. – Только как с этим быть? Нехорошо получилось...

И он указал на синяк под глазом полицейского.

Тот осторожно потрогал свой фонарь и мечтательно проговорил:

– Когда-то Сан-Габриель был обычным портовым городом. Матросы, рыбаки, портовые кабаки и проститутки. Какое это было время! Драки здесь были самым обычным делом. Вчера я снова почувствовал себя молодым.

Начальник полиции сел за стол и стал разливать вино по стаканам.

– Да, – продолжал он. – Эту драку не скоро забудут. Теперь будут говорить: «Он женился за год до драки с русскими». Или: «Я купил машину через месяц после драки с русскими». Мы создали историческую дату, по которой на Да Гаме будут вести летоисчисление. А когда я буду рассказывать, что дрался с русскими, мужчины будут мне завидовать, а женщины восхищаться. Это очень хорошая рекомендация. Здесь еще кое-кто помнит ваших матросов старого русского флота. У нас на острове много долгожителей.

Спецназовцы с воодушевлением подняли стаканы за дружбу. Пили по-грузински – по полному стакану и до дна. Вино было французским, марочным. Мистер Хрякин не поскупился.

– Опять вино? Прислали б водки лучше, – заметил, однако, Марконя.

Закуски, в отличие от вина, были сугубо местными. Традиционная рыба с рисом, лангусты в лимонном соусе, осьминоги в соусе карри, запеченная в банановом листе свинина, тушеные плоды хлебного дерева.

Марконя подцепил ложкой мясо в соусе и отправил в рот.

– Вкусотища, – заметил он. – Что это?

– Рагу из летучей мыши, – охотно пояснил полицейский офицер.

Марконя поперхнулся, но рагу проглотил. Спецназовцам приходилось лакомиться и не такими деликатесами.

Поручик положил себе жареной рыбы, но есть не спешил.

– А это что? – осторожно спросил он.

– Снаппи. Деликатес, – отозвался полицейский. – Ешь, не бойся.

Сам он тем временем налегал на небольшие шашлычки. Их малые размеры он компенсировал количеством порций.

– Вкусно, как бычки в томате. А сам-то ты откуда будешь? – с набитым ртом обратился к офицеру Марконя.

Тот налил еще вина. После того как все выпили, он рассказал о себе:

– Я родился в Лугамбии. Когда-то Лугамбия и Да Гама составляли одно государство. Потом началась война за независимость. Черные принялись поголовно резать белых. Те белые, которые успели спастись, оказались здесь, на острове. В Лугамбии еще долго шла гражданская война. Белых там уже не было, негритосы между собой резались. Наконец власть захватил Якубу Азикиве. Говорят, он использовал для этого людей-крокодилов.

– Это кто такие? – удивился Марконя. – Вроде Крокодила Данди из кино?

– Нет, это такая секта, – возразил полицейский. – Убийцы, террористы и людоеды. В Лугамбии их все очень боятся. Мне в молодости тоже однажды пришлось с ними столкнуться. Вот сувенир на память остался. У людей-крокодилов это вроде амулета. Как у нас, христиан, крестик.

И он показал спецназовцам зуб крокодила, просверленный и надетый на шнурок. Поручику приходилось видеть зубы крокодила, оправленные в металл и надетые на цепочку. Но этот отличался от них размерами. Он был просто гигантским. Поручик и Марконя переглянулись с растерянной усмешкой. В силу профессии оба сразу представили себе определенную ситуацию.

– Не хотел бы я встретиться под водой с тем, у кого такие зубки, – протянул Марконя. – В смысле – не на шнурочке, а во рту.

Поручик, соглашаясь, кивнул:

– Я тоже.

Но полицейский офицер покачал головой:

– Нет, господа, вы ошибаетесь. Я бы предпочел столкнуться с настоящим крокодилом, даже очень большим. Человек-крокодил гораздо опаснее.

Потом молча налил себе полный стакан вина и выпил одним махом.

* * *

Молодой лугамбиец Опунда жил в маленькой деревне на берегу Черного Нила. Река эта, как и Белый Нил, вытекала из озера Виктория, но текла не в северном, а в восточном направлении и впадала в Индийский океан. На берегу реки и стояла хижина-мундуло Опунды, крытая соломой.

Опунда был силен и красив. Неудивительно, что первая красавица деревни по имени Маджи положила на него глаз. Но виду не подала. А сам молодой Опунда, в свою очередь, глаз не сводил с красавицы Маджи.

Однажды Опунда по обыкновению прогуливался по берегу Черного Нила. По реке плыл большой крокодил. Местные называли его «вуай». Опунда засмотрелся на гигантского зверя. И тут, раздвинув кусты, на берег вышла красавица Маджи. Вероятно, она собиралась нарезать сочной травы кароко. Опунда тут же забыл про крокодила и уставился на нее влюбленными глазами.

– Слушай, коза, – вдруг неожиданно для себя выпалил Опунда, – выходи за меня замуж.

В краю Опунды слово «коза», произнесенное в адрес девушки, считалось тонким комплиментом.

Та ответила ему лукавой улыбкой. А потом произнесла:

– Мое имя Маджи – Вода. Моим мужем может стать только человек-крокодил. Я хочу, чтобы меня все боялись и уважали. Когда станешь, Опунда, человеком-крокодилом, выйду за тебя замуж!

И пошла, покачивая бедрами. Молодой Опунда едва не лишился ума при виде этого. И принял единственно верное решение – поговорить с колдуном Бамбуки. Потому что любой в деревне знал, что колдун Бамбуки общается даже с мертвецами. А про крокодилов и говорить нечего.

Молодой Опунда старательно подготовился к визиту. Он посадил в мешок большую жирную обезьяну, забросил мешок за спину и отправился на край деревни. Там в старой хижине-мундуло и жил колдун.

Когда молодой Опунда осторожно вошел в хижину колдуна, старик Бамбуки сидел на циновке и смотрел по видеоманитофону фильм «Крокодил Данди в Калифорнии». В руках у него была чашка с кислым молоком, из которой он вылавливал и поедал местный деликатес – икшу-улаг – шарики вареного рисового теста. Увидев вошедшего, хозяин хижины недовольно поморщился:

– Опунда, это ты? Что у тебя?

Молодой Опунда прокашлялся, так как у него вдруг заскребло в горле. Наконец он смог говорить.

– Я принес тебе большую вкусную обезьяну, о почтенный Бамбуки, – сказал он.

– А что тебе надо? – буркнул колдун неприветливо, но уже без прежней неприязни.

– Я хочу стать фа-те-фа, – еле слышно произнес молодой Опунда.

«Фа-те-фа» означало – «оборотень». Этим словом непосвященные называли людей-крокодилов.

Колдун задумался, перестал есть и остановил кассету. Потом он в упор уставился на Опунду. Тому показалось, что пронизательный взгляд старика прожиг его насквозь.

– Ты и правда этого хочешь? – прошамкал колдун беззубым ртом. – Помни, для того, кто стал крокодилом, обратной дороги нет.

У Опунды пересохло во рту. Он хотел уж было извиниться и уйти, но тут перед глазами встал образ Маджи. Он снова увидел ее капризно сдвинутые брови, обалденные бедра, и в его голове снова зазвучал ее голос: «Если станешь, Опунда, человеком-крокодилом, то выйду за тебя замуж!»

Опунда обреченно вздохнул:

– Хорошо...

– Что хорошо? – не понял колдун.

Его вопрос вырвал Опунду из мира грез о любимой.

– Я хочу стать крокодилом, – твердо сказал Опунда и добавил на местном наречии: – Я хочу стать «вуаи».

Колдун покачал головой.

– «Вуаи» – крокодил, который родился крокодилом, – пояснил Бамбуки. – Он зеленый и с длинным хвостом, плавает в реке. А ты, наверно, хочешь стать мамба – крокодилом и человеком. Ну не знаю. – Он помолчал и после долгой паузы наконец сообщил: – Ладно, приходи вечером, как стемнеет. Будем готовить борфиму.

Молодой Опунда с трудом дождался темноты. Когда он вернулся в хижину колдуна, там уже собралось несколько человек. Все они были сильными и крепкими мужчинами. Лица их были закрыты масками из кожи крокодила.

Опунда сел в сторонке. Собравшиеся затаили монотонную песню. Они пели низкими, глуховатыми голосами. Но в этих тихих голосах угадывалась скрытая мощь и угроза. У Опунды вдоль позвоночника пробежал озноб. Ему вдруг страшно захотелось стать одним из этих людей. Невольно он стал подпевать им.

Вошли двое. При их появлении пение смолкло. Собравшиеся низко склонились перед вошедшими. Опунда догадался, что один из них вождь людей-крокодилов, а другой – его помощник. Они внесли тяжелую ношу. Это было завернутое в мешок человеческое тело. Они

положили его на утоптаный земляной пол хижины. Из-за спин впереди сидящих Опунда плохо видел, что происходит. Честно говоря, он был даже рад этому.

Вот Бамбуки занес над телом жертвы нож в форме крокодильего зуба и нанес удар. Жертва слабо вскрикнула. Значит, принесли ее сюда еще живой. Кто-то подставил тазик, чтобы собрать в него жертвенную кровь.

Бамбуки склонился над телом. По его движениям и ударившей в нос вони Опунда понял, что тот вспарывает жертве живот. Бамбуки высоко поднял окровавленную трепещущую печень и стал в свете костра исследовать желчный пузырь. Все собравшиеся, затаив дыхание, ждали его вердикта. Наконец, он обернулся к вождю людей-крокодилов и проговорил:

– Хорошая печень. И желчный пузырь хороший. Нет никаких следов колдовства. Можно делать борфиму.

Люди-крокодилы снова затянули свою монотонную песню. Опунда закрыл глаза. Он не заснул, но потерял счет времени. В таком странном забытии он находился долго. Мышцы успели онеметь, тело затекло. Он почувствовал это, когда очнулся. Все смотрели на него. Тело жертвы лежало на земле. Кажется, это была женщина. Кожа со лба ее была срезана и отвернута так, что закрывала лицо. Бамбуки отрезал от этой кожи лоскут и завернул в него немного жира из печени и из почки жертвы, приложил к свертку огромный зуб крокодила на шнурке, затем протянул это магическое снадобье Опунде.

– Возьми, – сказал старик. – Это твоя борфима, магический священный амулет. Ты должен всегда носить его с собой, береги ее.

Люди-крокодилы разложили Опунду на полу. Бамбуки снял с него набедренную повязку и занялся нанесением насечки в виде «крокодиловой кожи» на его ягодицы. Опунда не чувствовал боли. Тем временем его новые соратники разделявали жертвенное тело для употребления его в пищу. Вождю полагались лучшие части – ладони и ступни. Другие также не остались обделенными. Получил кусочек мяса и Опунда. Он механически жевал его, а в голове звучал голос прекрасной Маджи: «Если станешь, Опунда, человеком-крокодилом, выйду за тебя замуж».

И вот он стал. Свершилось! Бамбуки смазал обработанную задницу нового члена общества жидкостью, которая останавливала кровь, и сказал:

– Теперь ты мамба. Ступай!

Опунда склонился в почтительном поклоне и, едва прикрыв татуировку, бросился наружу. Теперь он с полным правом мог носить имя Опунда-Крокодил. Сейчас он явственно ощущал, как его задница горит огнем, но не обращал на это никакого внимания. Главное, что он стал мамба – человеком-крокодилом!

Радостный, он побежал к Маджи. В соломенной хижине-мундуло, где жила Маджи, он нашел только ее мать.

– А где Маджи? – спросил Опунда.

Ему не терпелось сообщить будущей невесте радостную новость.

Но ее мать только развела руками. Она была в слезах.

– Я не знаю, где Маджи. Она пропала. Еще вчера вечером ушла на реку нарвать сочной травы кароко и не вернулась. Наверное, ее утащил крокодил.

Потом женщина боязливо огляделась, наклонилась к уху Опунды и тихо прошептала:

– Говорят, ее убили люди-крокодилы.

Только теперь Опунда понял, кого они принесли в жертву и съели и из чьей печени была сделана его борфима. Он вышел из хижины и, не разбирая дороги, побрел к реке.

Поперек реки навстречу Опунде плыл огромный крокодил. Опунда никогда не видел таких гигантов. Он заглянул в глаза крокодила, и на миг ему показалось, что тот смеется.

2

Поручик и Марконя продолжали сидеть за столом, когда с улицы раздался шум. В полицейский участок прибыла группа поддержки – Кэп с Дедом. То есть командир группы капитан второго ранга Татаринов и боевой пловец мичман Левченко. Оба были настроены по-боевому и собирались освободить попавших в беду товарищей любой ценой.

Кэп даже готов был подключить чиновников. Разумеется, не дипломатов из российского консульства. Какой прок от дармоедов – так он называл всех людей с непонятными обязанностями. Нет, Кэп собирался обратиться к местным военным, поскольку русские водолазы обследовали дно акватории порта по просьбе здешнего Министерства обороны.

К величайшему изумлению Кэпа и Деда, своих друзей они нашли не в мрачном узилище, а в кабинете начальника полиции, в его компании. Все трое были изрядно пьяны и разучивали какую-то местную песню. При этом полицейский офицер играл на длинной дудке-сопелке, Поручик аккомпанировал ему на ложках, а Марконя пытался щипать струны национального инструмента – «малалайки».

Увидев начальника, оба арестанта вскочили и замерли по стойке «смирно».

– Кэп, ты извини, – как старший по званию доложил донельзя смущенный Марконя. – Мы не хотели, они первыми начали...

Татаринов только рукой махнул:

– Ладно, собирайтесь!..

Начальник полиции проводил дорогих гостей до дверей участка. Здесь они долго обнимались и клялись друг другу в вечной дружбе. Все были взволнованы, и никто не обратил внимания, что на голове Маркони оказалась форменная фуражка начальника полиции, а у того – веселенький картуз с аббревиатурой «АКАБ».

Наконец Кэпу и Деду удалось оторвать коллег от их нового друга. Они неторопливо двинулись по набережной. От ночного ветерка Поручик и Марконя постепенно приходили в себя. Не то чтобы они много выпили, просто смена обстановки позволила ненадолго отпустить тормоза и почувствовать себя нормальными людьми. А теперь снова – тпр-р-ру! И пожалуйста в стойло!

Кэп шел совсем хмурый и бурчал вроде бы себе под нос. Но так, что было слышно и товарищам.

– Только этого не хватало! И без вас геморрой под самые гланды подобрался. Тут адмирал гостинцы шлет...

Марконя осторожно предположил, надеясь на чудо:

– Старостин?

Чуда не произошло.

– Бери выше – Фалалеев, – вздохнул Кэп.

Все надежды рухнули. Получается, их все-таки отзывают.

– Значит, ты уже знаешь про приказ? – протянул Марконя.

Кэп приподнял понурюю голову:

– Какой приказ?

Поручик и Марконя переглянулись со скорбью и пониманием.

– Ну, то, что нас отзывают...

– Кого отзывают? Куда? – не понял Кэп. – Никто никого не отзывает. Просто адмирал Фалалеев откомандировал в нашу группу своего племянничка. Эдика. Вроде как на перевоспитание. Тот, видите ли, по профессии дайвер-инструктор. На Канарских островах держал фирму и на чем-то прокололся – то ли на бабах, то ли на пьянке. Лицензию у него отобрали. И

теперь его к нам, чтобы форму не потерял, ну и в дисциплинарном порядке. Поскольку вопрос деликатный, Фалалеев просит меня подтвердить согласие.

Кэп умолк, в недоумении глядя на подчиненных. А Поручик и Марконя пустились в веселый пляс, этакую помесь джиги с камаринской.

Кэп пожал плечами и продолжил разговор сам с собой:

– С чем я должен соглашаться? Нет, я же не требую невозможного! Я прошу: дайте мне в группу человека, специалиста, чтобы я мог завтра его на задание отправить! А мне суют Фалалеева! И как я курортного инструктора по дайвингу, да еще адмиральского племянничка, на боевое задание пошлю?

– Зато группу не расформируют! Ай да племянник у адмирала! Ай да сукин сын! Нагадил-то как вовремя! – Поручик перестал плясать, раскланялся на аплодисменты редких прохожих и рассказал командиру то, что услышал от Маркони.

Получалось, что из-за провинности адмиральского племянника группа получила шанс на существование. И на том спасибо.

Марконя тоже прекратил пляску и подтвердил сказанное товарищем. Ему было немного неловко, что за один вечер они с Поручиком сорвали столько овец.

Кэп некоторое время обдумывал услышанное, потом красиво затейливо выругался и вздохнул:

– Ладно, уболтали, черти языкастые. Беру курортника. Только сами будете этому инструктору сопли и задницу подтирать!

– Да не проблема, командир! Гуляем!

И подчиненные, подхватив капитана второго ранга под руки, потащили его к ближайшему ресторанчику под неодобрительное ворчание Деда.

* * *

Яхта «Экстази» дрейфовала на траверзе Африканского Рога. Господин Хрякин был хмур и серьезен. Ему предстояло ответственное и опасное мероприятие – погружение в морские пучины. Накануне он распустил язык и неосторожно предложил Карине и Марине покатать их на подводной лодке – той самой, которая находилась на борту яхты во встроеном в ее корпус доке. Думал – испугаются. Не угадал. И вот теперь приходилось сдерживать слово.

Но мысли Хрякина находились далеко от красот подводного мира. Он прикидывал, как бы заполучить на борт спецназовцев, с которыми его охранники столь опрометчиво столкнулись в порту Сан-Габриеля. Узнав, с кем именно сцепились его парни, Хрякин сначала расстроился, но быстро понял, что для огорчения нет причин.

Для начала он приложил некоторые усилия для освобождения не только своих людей, но и спецназовцев. Начальнику полиции пришлось выплатить приличную компенсацию за ущерб. Не стал Хрякин скупиться и на угощение, заказанное в соседнем ресторане. Благодаря его стараниям в полиции происшествие сочли недоразумением. А когда Хрякин узнал, что его охранники расстались с недавними противниками чуть ли не лучшими друзьями, то и вовсе успокоился. И теперь ему не хватало только формального повода, чтобы пригласить спецназовцев в плавание. В предстоящей разборке с президен-том Азикиве он возлагал на них большие надежды. А в том, что разборка будет непростой и нелегкой, чиновник не сомневался.

Он подозвал Спирю.

– Что там с нашим черножопым братом-президентом?

– Он вернулся в Лугамбию, – сообщил секретарь.

Хрякин недобро и многозначительно прищурился.

– Пора его навестить. Что-то не так?

Спиря помялся.

– А если денег у него уже нет?

Хрякин грозно сдвинул брови и сжал кулаки.

– Тогда и президентом он больше не будет. Нам в Лугамбии нужен вменяемый партнер, а не фуфлыжник. Сделаем президентом хотя бы этого Джона Омотосо, с которым мы общались. Он ведь премьер-министр? А какой же глава исполнительной власти не мечтает стать главой всего государства? Ладно, давай сюда нашего капитана Немо. Будем готовиться к покорению морской бездны.

На яхте находился специалист, в чьи обязанности входило обслуживание и управление маленькой подводной лодкой. Через минуту он предстал перед хозяином.

– Готовьте лодку к погружению, – распорядился Хрякин. – Девчонок покатаем.

Капитан лодки с невозмутимым видом отправился в док. Всем своим видом он показывал, что катать под водой девчонок для него – самое обычное дело.

Через час капитан лодки, Хрякин и Карина с Мариной спустились в трюм, откуда имелся доступ в сухой док. Отсюда можно было через шлюз пролезть в люк подводного аппарата.

Сейчас, в тесном и давящем отсеке, идея покататься на подводной лодке уже не казалась подругам такой уж соблазнительной. Но отказываться они не собирались – Карина из упрямства, а Марина из деликатности. Сами же напросились. Но бояться было нечего. Хрякин куда попало не полезет, значит, они в полной безопасности. Да и капитан подлодки не выказывал ни малейшего беспокойства по поводу предстоящего погружения. Больше всего он напоминал водителя такси перед дальней ответственной поездкой.

Внутри лодка действительно напоминала салон машины такси, только стенки округлые и потеснее. Два кресла впереди, два сзади. Передний иллюминатор занимал почти всю переднюю стену. Справа, слева и сзади иллюминаторы были поменьше, но тоже достаточно большие для обзора.

Толщина стенок и стекла поражала. Чувствовалось, что конструкция рассчитана на кошмарное давление воды. Хрякин уселся рядом с капитаном, барышни расположились на заднем сиденье. Отсек заполнился водой, раскрылись наружные створки. Лодка отшвартовалась и осторожно двинулась вперед.

Хрякин нервно потер руки:

– Давай полный вперед, на штурм глубины! Газуй!

Капитан направил лодку немного вниз. С увеличением глубины за бортом становилось все темнее. Мимо лодки, с интересом заглядывая в иллюминаторы, медленно проплыла какая-то огромная губастая рыба. На заднем фоне маячили силуэты мелких рыбешек, киселем повисла медуза.

– Ну как? – самодовольно произнес Хрякин, словно морская фауна была создана его собственными мозолистыми руками.

Но Карина только с пренебрежением пожала плечами:

– А так себе! В океанарии и то лучше.

– В океанариуме, – поправила Марина.

– Ну и я говорю, – согласилась Карина. – Не видно же ни фиги!

Капитан усмехнулся и включил мощный прожектор, установленный на крыше. В его свете стали хорошо видны подводные обитатели.

– Во, гляди! – Хрякин ткнул пальцем вперед.

Там, переливаясь серебристым гигантским шаром, завис огромный косяк рыбы.

– Дави рыбу! – азартно рявкнул Хрякин.

Капитан столь же азартно вцепился в ручку реостата, лодка рванула вперед и устремилась на таран рыбьего шара. Но тарана не получилось. Рыбы шарахнулись в стороны, расступились, чтобы снова сомкнуться позади лодки. Но несколько рыбок все же попали под винты. В воде расплылось кровавое облачко.

И почти сразу же, почуяв кровь, появились акулы. Их стеклянные глазки и костяные улыбки замаячили на расстоянии вытянутой руки. Причем не по телевизору, а тут, рядом, отделенные только стеклом иллюминатора. Акулы принялись жрать покалеченных винтами подлодки рыб и гоняться за остальными. Это было уже интереснее.

Налюбовавшись картиной акульей трапезы, Хрякин предложил:

– Ладно, давай нырнем поглубже. Не развалится твоя лайба?

Капитан хмыкнул:

– Можно и нырнуть.

Он переложил рули глубины, и лодка стала погружаться. Снаружи еще больше потемнело. Теперь только прожектор освещал окружающее пространство.

Хрякин вдруг издал горлом нервный смешок.

– А если сейчас лампочка перегорит? Или мотор сломается? Гы-гы!

Ему никто не ответил. На долгое время воцарилась напряженная тишина. Наконец, капитан нарушил молчание – просто так, чтобы что-то сказать.

– Наверху штормит, а тут, внизу, тишина и покой.

Мрачная напряженная обстановка потянула Марину на мрачные сравнения.

– Ага, прямо как на кладбище, только покойников не хватает.

Карина вдруг пронзительно завизжала.

– Ты что?

– Покойник! А вон еще один! И еще! В натуре – целое кладбище!

Все прильнули к иллюминатору. В свете прожектора картина выглядела жутко. Раздутый труп стоял в воде строго вертикально, привязанный за ноги тросом, уходящим в глубину. Было хорошо видно его лицо, распухшее и объеденное рыбами. Единственное, что могло бы помочь опознанию тела, была рыжая шевелюра и остатки рыжей бороды. И еще – в стиснутых предсмертной судорогой зубах была зажата трубка.

Карина повернулась к подруге:

– Это же... Ты его узнала?

Марина только молча кивнула. Она не могла оторвать глаз от трупа. И не одного. Позади него, выхваченные из глубинного мрака, маячили еще несколько утопленников.

И тут из оцепенения вышел Хрякин.

– Приказываю – дифферент на корму! Всплываем! – заорал он. – И возвращаемся на Да Гаму. Полный назад!

Он закрыл глаза и вцепился в подлокотники кресла. И тут, как ни странно, на его лице расплылась самодовольная улыбка. Ведь теперь у него был законный повод пригласить водолазов-спецназовцев на борт своей яхты.

* * *

Вернувшись на остров, Хрякин сразу забрал Спирю и умчался куда-то по неотложным делам. Карина и Марина отправились в ближайший ресторан снимать стресс. Заведение находилось прямо на берегу. Не успели они занять крайний столик у воды, как из-за барной стойки послышался удивленный и радостный голос.

– О, гляди, землячка! И другая тут! Привет, девчата! Вы что, одни? А где же ваши телохранители?

К подругам приближался подвыпивший Марконя. Он позволил себе слегка расслабиться по случаю отмены приказа на предмет расформирования.

Карина сердито поджала губы куриной гузкой.

– Мы в телохранителях не нуждаемся. И без них защитников хватает. Стоит мне только свистнуть – тебя в бараний порошок скрутят. То есть я хотела сказать – сотрут. Сотрут в твой любимый кривой рог...

Марконя с удивлением окинул полупустой зал. Крутить в бараний порошок его было совершенно некому. Редкая публика меньше всего производила впечатление угрозы. Разве что жилистый черный паренек. Он определенно напоминал боксера среднего веса или профессионального хулигана.

В этот момент негр, словно и вправду услышав слова Карины, поднялся с места и двинулся в их направлении. Интуиция профессионала позволила Марконе физически ощутить исходящую от него опасность.

Негр приблизился танцующей походкой и, улыбаясь, показывал ослепительно белые зубы. Марконя успел поймать момент, когда в черной руке сверкнул нож. Негр прыгнул, но не на спецназовца – на него он, похоже, вообще не обратил внимания, – а в сторону барышень. И сделал выпад ножом, целясь в лицо Карине.

Выпад был молниеносным, как бросок кобры. И он бы непременно достиг цели, если бы не Марконя. Он подхватил с ближайшего стола солонку и отправил ее содержимое в глаза бандиту. Тот грязно выругался и, выронив нож, принялся яростно тереть глаза. Это окончательно его доконало. Марконя снисходительно усмехнулся и слегка поклонился дамам.

К его удивлению, в их глазах он прочитал не благодарность, а испуг. Проследив их взгляд, он понял причину испуга, но среагировать не успел. Чуть-чуть все-таки уклонился, поэтому нож другого бандита не вошел ему под лопатку, а только рассек мышцы плеча.

Капитан-лейтенант ударил назад ногой. Услышав стон, понял, что попал. Но попытка перехватить руку с ножом не удалась – плечо отозвалось резкой болью. Пришлось снова работать ногами. Но теперь противник был начеку. Белый, с розовой поросычей кожей, гигант размахивал своим окровавленным ножом у Маркони перед носом. И, что хуже всего, из полумрака ресторанного зала к нему подтягивались еще двое – то ли арабы, то ли индусы.

Марконе пришлось срочно подключать солдатскую смекалку. «Кранты тебе», – подсказала ему смекалка. Бандиты неторопливо приближались, сжимая кольцо. Негр успел кое-как протереть глаза, подобрал с пола нож и тоже присоединился к сообщникам.

Один, раненный, против четверых с ножиками? Нет, это лишало происходящее спортивного духа и требовало радикальных мер. Из-за столика в самом темном углу поднялся Поручик. А разве кто-то подумал, что Марконя, как последний алкаш, мог напиваться в одиночку?

До этого Голицын не вмешивался: во-первых, не было необходимости, а во-вторых, не хотел встречаться, даже взглядом, с соотечественниками легкого поведения. Не то чтобы кичился собственной праведностью или порядочностью – просто не любил профессионалок.

Но тут события потребовали активности. Он уже пил себя за то, что проворонил момент, когда Розовый Поросенок, как он мысленно окрестил белого здоровяка, поцарапал Марконю. Неизвестно – насколько серьезно. А им еще работать и работать.

Немного раздраженный всеми этими соображениями Поручик тенью, но не танцующей, как негр, а просто – легко и стремительно – скользнул в сторону арабов-индусов. Их он считал наиболее серьезными противниками. Те все же успели его заметить и изготовились к драке.

Но драки не получилось.

В отличие от схватки с земляками-морпехами накануне, тут Поручик щадить никого не собирался и никаких показательных боев устраивать не стал. Да и аплодисменты публики за последние два дня успели ему изрядно надоесть.

Удар ногой в голень, той же ногой сметающий блок – и нож вылетает из сломанной руки, а хруст перебитой ноги сливается со стоном побежденного. Тут же к нему присоединяется голос второго противника. У первого сломано запястье, а у второго – локоть. Ну а голени у обоих перебиты в одном месте – чуть выше подъема.

По дороге Поручик подхватил со стола вазочку, небольшую, но увесистую, и запустил в голову восстановившего зрение негра. Керамика угодила точно в висок. Здесь хруста, к счастью, не послышалось: убивать Поручик никого не собирался – пока, во всяком случае. Негр рухнул, смешно растопырившись, сбив пару столиков и несколько стульев. Вот всегда так. Стоит человеку немного получить по голове, как он тут же теряет природную грацию и становится похож на раздавленную лягушку.

Впереди оставался последний противник. Нет, конечно, это был не Поросенок. Настоящий Розовый Слон. Как в песне. И спросить с него Поручик собирался по полной программе. Чтобы не махал ножиком, где не надо.

Собственно, несмотря на нож, при помощи второй руки и пары ног Марконя и сам смог бы справиться с противником. Но ситуация требовала быстроты. Спецназовцам не улыбалось второй раз встречаться с гостеприимным начальником полиции.

В следующую секунду Голицын оказался рядом с Розовым Слоном и прежде, чем тот осознал его близость, вытянутыми в «копье» пальцами руки побеспокоил его солнечное сплетение. Ударь он посильнее, пробил бы насквозь. В подводном бою кулаком не бьют, сопротивление воды лишает такой удар силы и скорости. Только выпрямленными пальцами – «рука-копье». Таким ударом Поручик пробивал не только гидрокостюм, а даже толстый гидрокombineзон. Что уж говорить про мышечный пресс хулигана?

Розовый гигант широко разинул рот и будто окаменел. Неподвижностью и позой он напоминал столичный памятник Воровскому на Лубянке – «ноги колесом, пальцы веером, попка оттопырена». Поручик в Москве бывал и памятник видел, поэтому сейчас не стал тратить времени на созерцание.

Он перехватил руку противника, в которой тот сжимал нож, направил острие в его похожую на бревно ляжку и нажал посильнее. Кажется, это называется «нарезка окорока». И случилось чудо – памятник ожил. Крик его был громок и неприятен. Поручику пришлось сделать следующий неизбежный шаг – отключить весь источник шума целиком. Что он и сделал с помощью серии ударов. Бил от души, хотя и не сказать, что с удовольствием.

Чем больше шкаф, тем громче падает. Этот упал тихо. Шмякнулся таким мешком с полужидкими удобрениями и затих.

– Заснул, наверное, – предположил Марконя.

Поручик тем временем не допускающим возражений тоном обратился к барышням:

– Мы с другом уже уходим. Вы как, останетесь ждать десерта?

Те молча подхватили вещи и рванули к выходу. Поручик обернулся к раненому Марконе:

– Сам дойдешь или помочь?

– Помоги. Деньгами, – попросил тот.

Тем не менее, рану следовало обработать, и как можно скорее. Поручик помог товарищу набросить на плечи куртку, чтобы скрыть кровь. Не успели они выйти на улицу, как увидели двух мичманов из своей группы. Дед и Малыш спешно двигались по улице, периодически заглядывая во все встречные питейные заведения. Определенно кого-то искали. Увидев своих, оба тут же направились к ним.

– А мы за вами! – начал Дед. – Собирайтесь, халтура подвернулась. А что тут у вас происходит?

Поручик с Марконеи обвели взглядом поле недавней битвы и только руками развели:

– Понятия не имеем.

После чего все направились к месту службы.

* * *

Группа подводного спецназа базировалась на борту базового тральщика «Алатырь». Кораблек был, по меркам военного флота, крошечный, но имел все необходимое – то есть отдельный кубрик для водолазов на шесть коек и двухместную барокамеру. Ну и помещение, где можно было сложить оборудование для погружения.

Накануне «Алатырь» получил задание протралить устье Аденского залива на предмет поиска донных морских мин. Но за несколько часов до выхода на борт тральщика поднялся господин Хрякин в сопровождении своего секретаря Спири. Согласование не заняло много времени. В результате военный совет в составе самого Хрякина, командира тральщика и Кэпа принял решение немного отклониться от курса, чтобы расследовать появление на дне загадочных трупов.

Следующим утром белоснежная яхта «Экстази» в сопровождении «Алатыря» вышла в море. Неказистый тральщик на ее фоне выглядел крошечным катером. Корабли направились в район недавней подводной прогулки господина Хрякина.

Путешествие было недолгим. Капитан «Экстази» точно определил место, где они были накануне. Яхта и тральщик застопорили машины и легли в дрейф. Здесь Кэп стал готовить своих бойцов к погружению. В первой группе пошли Поручик и Дед, как самые опытные. Малыш и Кэп страховали. Марконя по причине ранения числился сегодня в дармоедах.

Поручик пропустил Деда вперед. Он целиком полагался на интуицию старого боевого пловца. И тот не подвел. Премудрый Соломон считал невозможным найти в воде след рыбы или корабля, для Деда же это было проще простого. Как он это делал, не мог понять никто. Даже Поручик, который, как он сам считал, давно перенял у старшего товарища все его примочки.

Дед шел вниз уверенно, словно ведомый безошибочным чутьем подводной ишейки. И привел старшего лейтенанта как раз туда, куда надо. Здесь даже у видавшего виды Поручика по спине под гидрокостюмом пробежал холодок.

В свете фонарей – лучи солнца сверху сюда едва проникали, – как мины на якорях-минрепах, покачивались привязанные за ноги тела людей. От приближения водолазов спокойная вода пришла в движение, и мертвецы зашевелились, словно живые.

Поручик усилием воли прогнал неприятные ощущения, махнул Деду и продолжил погружение. Он направился в темную глубину, куда уходили тросы, которые удерживали утопленников в вертикальном положении.

Дно оказалось недалеко, метрах в десяти. Здесь, наполовину утопленные в песок, покоились массивные бетонные кубики с кольцами из металлической арматуры.

На глаз вес каждого кубика был никак не меньше пятидесяти килограммов. Старший лейтенант Голицын знал: для того, чтобы удержать под водой раздуваемый газами труп среднего человека и не дать ему всплыть на поверхность, достаточно двухпудового груза. А здесь брали с запасом. И не хватало то, что под руку попадет, а привезли с собой.

Предусмотрительные ребята, запасливые. И на якорные концы по десять метров троса не пожалели, чтобы потом легче найти было. Значит, скоро вернуться. И уж трупы эти явно не с берега привезли.

Сомнений не было, здесь поработала организованная группа пиратов-профессионалов. Одни захватили судно и по-быстрому утопили экипаж, чтобы буквально спрятать концы в воду. А теперь нужно ждать других, которые основательно, не спеша, зачистят останки: подберут утопленников и утилизируют. И если бы случай не привел сюда беспечных экскурсантов – Хрякина с девчонками, – так никто бы ни о чем и не узнал.

При таком развитии событий недавняя драка в ресторане предстала перед Поручиком совсем в другом свете. Нет, не хулиганы это были, посерьезнее ребята. И намного опаснее. Как те «крокодилы», про которых рассказывал начальник полиции.

Внимание Поручика привлек светлый предмет, мелькнувший в свете фонаря. Он наклонился. За кольцо одного из бетонных блоков зацепился оборванный ремешок. На нем болтался приличных размеров крокодилий зуб. Очень похожий на тот, который начальник полиции показал им с Марконеи, только побольше. Прямо не зуб, а бивень. Поручик рванул ремешок и спрятал находку в специальный карман.

Издали сквозь толщу воды мелькнуло что-то похожее на свет. Мелькнул луч прожектора. Поручик немедленно отключил свой фонарь. Кто это приближается – друзья или враги? Поручик сверился с компасом. Прожектор светил с запада. А на западе у спецназовцев друзей не было. И быть не могло.

Предупредить Деда? Но тот быстро среагировал и уже был рядом. Он тронул Поручика за плечо и знаком указал на бетонные блоки. Поручик кивнул. Оба укрылись за кубиками. Не то чтобы совсем спрятались, но если не знать, что тут люди, то и не догадаешься.

Прожектор приближался, следом показался второй. Неизвестные водолазы шли на буксировщиках. Спецназовцы к бою не готовились и оружия с собой не брали. При себе оба имели только ножи. Голицын прикинул – на двух буксировщиках могут идти пять-шесть боевых единиц противника. «Не проблема», – как говорит капитан-лейтенант Марконя.

Поручик извлек из ножен на ноге свой «катран» – нож, которым можно как побриться, так и открыть самую толстую консервную банку или цинк с патронами. Ударом такого ножа Поручик пробивал кевларовый бронезилет.

Буксировщики остановились в нескольких метрах от крайнего тела. Прибывшие водолазы по-хозяйски принялись отвязывать утопленников, чтобы затем прицепить к своим плавсредствам.

Поручик и Дед переглянулись. Случай подходящий. Прибывшие целиком заняты своим грязным делом. Никаких дурацких сомнений типа «подло нападать со спины» у боевого пловца не могло бы возникнуть даже в дурном сне.

Спецназовцы стремительными черными теньями рванулись навстречу противнику. Поручик атаковал ближний буксировщик. На нем прибыли трое аквалангистов. Первому Поручик засадил «катран» под ребра, пробив легкое, тут же вырвал нож и взялся за второго. Серейторной заточкой, которая шла по обуху клинка «катрана», старший лейтенант полоснул по гибкому дыхательному шлангу противника. Другой рукой он нанес ему удар в солнечное сплетение. Непроизвольный вдох, вода вместо воздуха – и этот не жилец. Итого – минус двое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.